

1785

1865

2222

1492

1865

1792

1492

1917

Р 727

3014

1066

Михаил Поляков

Михаил Поляков

Хронополиция

«Автор»

2026

Поляков М.

Хронополиция / М. Поляков — «Автор», 2026

В будущем хронополиция преследует нелегальных путешественников во времени, у каждого из которых свои мотивы: одни стремятся изменить ход истории, другие ищут удовлетворения своих низменных желаний, а третьи мечтают о славе. Поскольку эти люди воспитаны в современной культуре и привыкли полагаться на технологии, одним из способов их выявления становится анализ текстов на предмет их создания нейросетями. Выяснилось, что многие документы, философские и религиозные труды, стихи и романы написаны не людьми. Нейродетекторы могут ошибаться и не дают стопроцентную гарантию. Поэтому за дело берутся следователи хронополиции — профессионалы, которые по малейшим признакам способны распознать, кто есть кто. Они перемещаются во времени и на месте определяют, с кем имеют дело: с талантливым человеком или с хитрецом из грядущих эпох. Но что, если однажды окажется, что за простым случаем скрывается куда более серьезная тайна и угроза, которая может обрушиться на человечество сквозь время?

© Поляков М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Париж, 1785 год	5
Глава 2: Санкт-Петербург, 1865 год	7
Глава 3: Безвременье	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Поляков

Хронополиция

Глава 1: Париж, 1785 год

Рука молниеносно рванула вперёд, обхватила Томаса Джефферсона за затылок и со всей дури припечатала его голову к столу. Потом вторая рука — буквально кончиками пальцев — откинула вместилище разума одного из отцов-основателей обратно в кресло.

Лежавшая на столе Декларация независимости (с какими-то правками) обзавелась по центру жирным пятном из крови и слюней, которые активно смешивались со свежими, ещё не просохшими чернилами. Сам Джефферсон пускал из носа кровавые сопли с пузырями, глаза расфокусированно смотрели в разные стороны, парик съехал набок, а на лбу зеркально отпечаталось слово «свобода». Вид государственный муж имел крайне потешный, но в кабинете никто даже не улыбнулся.

— Что, Джефферсон, не узнал старого друга, майора Астахова? Хотя какой ты к псу Джефферсон. Ковальски, ты меня слышишь?

— Я не Ковальски, — ответил тот медленно, еле ворочая языком и явно не соображая, что произошло.

— Я знаю, Ковальчик, что ты не Ковальски, но мне похер. Знаешь почему? Потому что ты за-дол-бал. Я устал тратить время на твою задницу!

Коллега майора отодвинул стул и присел. Он смотрел на Джефферсона-Ковальчика крайне заинтересованным и недобрый взглядом, в котором читалось только одно — сожаление. Сожаление о том, что это не он двинул его башкой об стол.

— Ковальчик, алё, ты с нами? Отлично. Ты знаешь, почему мне хочется назвать тебя Ковальски? Потому что ты тупой как пингвин! При всей твоей докторской степени и куче талантов! Ты хитрый, ты обманул всех, прошёл под радарам, тебя не раскололи ни местные копы, ни даже я! Но ты попался как идиот, как самый тупой первоклашка! Ковальчик, каким придурком надо быть, чтобы доверять написать проект Конституции США нейросети?! Она же при появлении первого же самого тупого нейродетектора засветилась как новогодняя ёлка!

Майор продолжал выплёскивать гнев.

— Более тупой ленивой скотины, наверное, не найти. Ты же стихи пишешь, Ковальчик! Даже какие-то рассказы в колледже строчил. И тебе было лень написать несколько сотен слов?! Потратить прорву денег, провести идеальное хроноконструирование и хронокоррекцию, подчистить все следы, буквально заново пересобрать своё тело, чтобы убрать маркеры принадлежности к другой эпохе, — и пожалеть полчаса, чтобы напрячь свой действительно большой мозг и поработать рукой, написав человеческий, во всех смыслах текст?!

— Ты идиот, Астахов, — прогнусавил Ковальчик-Джефферсон, запрокидывая голову и пытаясь остановить идущую из носа кровь. Его нос распух и заметно увеличился в размерах.

— Что? — ошарашенно переспросил майор. Его напарник угрожающе прищурился и немного привстал — явно рассчитывая тоже получить шанс проучить нахала.

— Я специально это сделал, — медленно, чётко, насколько позволяли расквашенные нос и губы, ответил Ковальчик.

— Ковальски, ты, конечно, идиот, но не настолько. Ты же должен был понимать, что, сделав это, выдашь себя с потрохами, и мы вычислим тебя буквально за пять минут.

— Именно, майор. Это мне и было нужно.

— Нужно что — чтобы мы тебя нашли?!

— Да, майор, да! Чтобы вы, чёрт бы вас задрал, меня нашли и поговорили со мной, а не ломали нос, как нажравшиеся в кабаке идиоты!

— Ковальчик, ты или объясняешь нормально, или у тебя сейчас мигом будет поломан не только нос, но и другие части тела. За оказание сопротивления при задержании. Поверь, Ковальчик, я сделаю это с огромным удовольствием, и господин капитан тоже.

Господин капитан кивнул, соглашаясь: да, сделает, и с превеликим удовольствием.

— Я не от вас прятался. И специально сгенерировал текст проекта Конституции в нейросети, чтобы вы это заметили. Но объяснять уже нет времени — нам надо срочно валить, потому что вы, скорее всего, когда шли меня брать, сами вели себя как бухие новогодние ёлки.

В этот момент стоявшие на столе часы вдруг заиграли незамысловатую мелодию. Ковальчик весь напрягся и испуганно посмотрел на хронополицейских.

— Это детектор. Он отслеживает возмущение темпорального поля. Вас, судя по всему, засекли. Надо срочно уходить. немедленно!

Астахов с капитаном скептически уставились на ожившего отца-основателя.

— Срочно!!! Иначе нам хана — эти разговаривать не будут и носом в стол тыкать тоже. Нас просто сотрут, как будто и не было. Включайте переход и срочно уносим ноги!

Глава 2: Санкт-Петербург, 1865 год

Когда солдаты французского короля ввалились в кабинет посла Соединённых Штатов, там уже никого не было. Только очень опытный взгляд мог заметить в воздухе исчезающую рябь только что закрывшегося межвременного портала. Заглянув под стол, за занавески и в другие места, где, по мнению визитёров, мог бы спрятаться человек, солдаты покинули кабинет.

В это же время, но в совершенно другие времена, трое перемещались сквозь хронотуннель, наблюдая за его границами чехарду дней и ночей, городов, полей, морей и прочих ландшафтов планеты. Наконец раздался негромкий хлопок — и все трое оказались в каком-то тёмном дворе многоэтажного здания. Майор Астахов прокомментировал:

— Питер, 1865-й.

Ковальчик ответил:

— Нормально, должно хватить.

Полицейские подозрительно посмотрели на него, но ничего не сказали. Так же молча они сделали едва уловимые жесты — и одежда на них, и задержанном, моментально поменялась. Вместо камзолов и париков теперь были брюки и куртки, на головах красовались шляпы. Такая же трансформация произошла и с Ковальчиком. Далее они двинулись вперёд, при этом полицейские жёстко контролировали своего пленника, хотя тот и не делал никаких попыток скрыться.

Подойдя к подъезду, они увидели выходящую из него угрюмую женщину лет шестидесяти. Оба полицейских сразу сделали счастливые, улыбающиеся лица и хором сказали:

— Здравствуйте, Алёна Ивановна.

Та подозрительно зыркнула на них поверх круглых зелёных очков, что были у неё на носу, и остановила взгляд на задержанном. Тот тоже пытался счастливо улыбаться, но весь эффект портил нос — явно носивший следы недавнего приключившегося несчастья.

— И вам не хворать, — мрачно ответила бабка и пошла своей дорогой дальше, бормоча под нос: «Всё ходят и ходят, безобразники и пропойцы, весь лифт обоссали».

Троица, не обращая внимания на грязные намёки, поднялась по лестнице на второй этаж и вошла в конспиративную квартиру Хронополиции. Пропустив Астахова и Ковальчика, третий, молчаливый полицейский, закрыл дверь. Щёлкнув пальцами, он произнёс:

— Отмена режима «Иллюзия».

Квартира моментально преобразилась: вместо достаточно бедного жилища середины XIX века появились апартаменты, оформленные в одном из популярных стилей столетия XXII.

Ковальчику дали охлаждающий компресс на нос. Астахов ушёл на кухню и принёс оттуда три стакана с напитками, а также какие-то снеки. После этого все трое расселись в удобных креслах и замолчали.

Первым нарушил тишину Ковальчик:

— Мы кого-то ждём?

— Да, сейчас Вернер подойдёт, — ответил майор.

— Ого, вот это честь.

— Ты считаешь, зря вызвал?

— Нет, как раз очень правильно.

В этот момент в прихожей раздался стук в дверь. Молчаливый полицейский пошёл в прихожую и впустил в квартиру плотного мужчину с абсолютно лысой головой и умными тёмными глазами. Всех поприветствовав, тот задал вопрос:

— И что ты натворил на этот раз, Ян?

Ковальчик жизнерадостно ответил:

— Ничего. Планировал, но не успел, а потом было не до того. Надо было как-то выбираться, поэтому вас и вызвал.

— Вызвал? То есть это не была дикая тупость, а сигнал SOS?

— Именно так.

— А что планировал напроказничать?

— Да ничего особенного, хотел прописать в Конституции второй государственный язык.

— Это какой же? Язык команчей или ирокезов?

— Зачем команчей? Латынь.

— Господи, ну ладно немецкий, его и так хотели государственным сделать, а латынь-то зачем?

— Как зачем?! Язык науки! Если бы американцы говорили на классической латыни, они Британскую империю лет на пятьдесят раньше в асфальт закатали!

— Ян, ты ненормальный? При таких изменениях хроноволна даже до нас бы докатилась! Ты в своём уме?

— Жора, ну что ты преувеличиваешь, лет триста — и всё затихло, а то и меньше. Ничего до нас бы не дошло, ну а теперь и подавно — тут дела посерьёзнее завертелись.

— Ладно, гений, рассказывай, что ты обнаружил.

— Скажи, вы выборочно отслеживаете тексты на вероятность того, что они созданы нейросетями, чтобы отлавливать хронотуристов?

— Да, только скорее хроноуродов, которые не дают людям нормально работать и баламутят временной поток.

— Пусть так. Доступ к своим базам вы не даёте?

— Конечно, ещё не хватало, чтобы не пойми кто в них запустил свои шаловливые ручки.

— Само собой, поэтому я это делал самостоятельно, благо ресурсы нужны не такие уж могучие. Хвастать нечем — так, всякая мелочёвка, о которой вы и без меня знаете. Но тут мне пришла в голову гениальная мысль.

— От скромности ты не умрёшь.

— Нет, не умру, я амбициозен и не склонен принижать свои таланты.

— Ладно, проехали. Что сгениалил?

— Я подумал: ведь текст не просто информация, он структурирован, так?

— Предположим, — произнёс Георгий Вернер.

— Не предположим, а точно: текст — это структурированные данные. Именно благодаря этой упорядоченности мы и можем определять вероятность создания его нейросетью или человеком.

— Да, только уточню: разные люди структурируют текст по-разному на смысловом уровне, ну и нейронки в принципе тоже. Прости, но за такие выводы никакой премии тебе не дадут. Переходи к сути, а то непонятно, что была за спешка с отбытием и кто тебя, ну или нас, хотел схватить, — Астахов явно не был настроен на обстоятельную и размеренную беседу.

Ковальчик посмотрел на него осуждающе и продолжил изъясняться в той же манере — его явно было нелегко сбить с намеченного курса.

— Так вот, мне пришла в голову мысль: а что, если исторический процесс — это тоже в каком-то смысле текст? Что набор событий — это не нечто хаотическое, а имеет структуру и даже смысл.

— Не скажу, что мысль нова. Практически все культуры приходят к выводу, что всё не просто так и для всего этого бардака под названием «жизнь» есть цель — Царствие Небесное или Рагнарёк.

— Нет, не так. Мысль более чем нова и, я даже с гордостью скажу, безумна. Что все события — это как строчки кода, которые создают в совокупности личность, так же как искус-

ственный интеллект состоит из нулей и единиц, ну и, если говорить о сути, из электрических сигналов.

— Ты хочешь сказать, что наша история — это не просто процесс, а что-то разумное, как бы личность? Даже не знаю, как назвать — богом, наверное? Он мыслит историческими событиями? Так получается?

— Моя первоначальная мысль, не скажу, что была такой, как ты описал, изначально, но вот сейчас мне кажется, что это что-то в этом роде. Только событие — это не что-то грандиозное вроде возникновения или падения империи, а просто ежедневные происшествия в жизни каждого человека. Его повседневная жизнь.

— У какого-то китайца вроде было описание компьютера из солдат: они производили действия по определённому алгоритму — и получался аналог вычислительной машины.

— Да, Жора, хорошая аналогия для аналога вычислительной машины, в том числе и человеческого мозга.

— Занятно. И тогда с какой же хренью мы имеем дело, если оно думает судьбами людей?
— неожиданно прокомментировал молчаливый полицейский, напарник Астахова.

Глава 3: Безвременье

Штаб-квартира «Хронополиции» располагалась в одном из красивейших уголков Безвременья. Вечный океан, вечный песчаный пляж, тёплое, почти домашнее солнце в голубом небе. Многие сотрудники, которым за время службы всё это обрыдло до зелёных чертей, уходили на заслуженный отдых в одну из исторических эпох, открытых для поселения. Строили роскошные виллы, наслаждались бытом — и спустя несколько лет возвращались обратно, поближе к бывшей работе. Тянуло.

Георгий Вернер, сияя лысой головой, в мундире, который сразу прибавлял ему брутальности, чеканя шаг, направлялся к кабинету главы ведомства. Поздоровался с адъютантом, получил знак, что его ждут, и вошёл в дверь над которой висела табличка: «Директор Хронополиции Мудрый Владислав Владимирович».

Глава и правда выглядел главой во всех смыслах. Именно так его и звали за глаза, кроме тех, кто предпочитал называть по очень подходящей ему фамилии. Мощная шея держала большую голову с высоким лбом, а пышная грива рыжеватых волос, спадающая на плечи, делала её ещё массивнее. Вернер сам был крупным мужчиной, но рядом с начальником это не чувствовалось — тот реально был гигантом. На столе, оформленном в стиле Людовика XIV, громоздились горы папок, какие-то безделушки и даже подсвечник с горящими свечами. Впрочем, всё это было иллюзией — что на самом деле лежало на столе хозяина кабинета и лежало ли вообще хоть что-нибудь, оставалось загадкой.

Начальник сидел неподвижно и слушал чей-то детский голос. Многозначительно показав глазами, чтобы Георгий присаживался и угощался всем, что стояло на специальном столике для гостей. Дослушав до конца и попрощавшись с собеседником, директор повернулся к Вернеру.

— Прости, Жора. Внук, сам понимаешь, никак не мог отказать ему в докладе — расписывал, как он всех разнёс в новой игре.

— Понятно, — с улыбкой ответил Вернер.

— Ну что, к каким выводам пришла наука? — спросил начальник, откинувшись в кресле.

— Ситуация серьёзная, — сказал Георгий, садясь в гостевой стул и с удовольствием вытягивая ноги. — Уровень опасности трудно переоценить. Сказать, что академики и прочая яйцеголовая братия в шоке — значит ничего не сказать. Наши меры одобрили целиком и полностью. А тех, кто попытался уточнить насчёт поблажек в интересах науки, так прессанули, что теперь никто и пикнуть не смеет. У нас полный карт-бланш и поддержка научного сообщества на любые действия, естественно, в обмен на максимально полную информацию о Фатуме.

— Фатум? — переспросил Глава, приподняв бровь.

— Да, — кивнул Вернер. — Все, не сговариваясь, поддержали это название. В Древнем Риме фатум олицетворял неотвратимую судьбу, волю богов, которая определяет жизнь человека.

— На сегодняшний момент вполне совпадает с тем, что мы о нём знаем, — задумчиво протянул Мудрый. — Рекомендации какие-нибудь дали?

— Неукоснительное соблюдение режима блокады, — чётко отрапортовал Вернер. — Не дать Фатуму, что бы это ни было, прорваться к двадцатому веку. Пограничный рубеж — Крымская война, нейтральная территория вплоть до Наполеоновских войн. Все наши предложения приняты единогласно, без единой поправки.

— Удивительное единодушие, — усмехнулся Глава. — Значит, если мы налажаем, спросят с нас по полной программе.

— Абсолютно верно, — подтвердил Вернер. — Высокое доверие надо оправдать, иначе распнут и повесят на нас всё, что вешают в таких случаях. Кстати, как прошёл доклад Императору?

Мудрый немного помолчал, словно прикидывая, что говорить, а о чём умолчать.

— В ходе беседы мы пришли к выводу, что сидеть в глухой обороне неконструктивно, — наконец произнёс он. — Нужны разведывательные рейды как в нейтральную временную полосу, так и на столетия, которые, как мы думаем, контролирует Фатум.

— Опасно, — нахмурился Вернер. — Мы до сих пор не представляем, какими возможностями он обладает. Блокировка перемещений во времени даёт нам серьёзную уверенность — враг, если это вообще враг, а не, скажем, нечто, лишь имитирующее разум, не продвинется дальше. Но если мы начнём открывать коридоры, у Фатума появится шанс забросить своих к нам.

— Да, риск есть, и большой, — согласился Глава. — Особенно если это действительно разумное существо, а не просто... как ты это назвал, нечто, имитирующее мышление.

— Нашу группу для захвата Ковальчика он вычислил моментально, — напомнил Вернер.

— Это ничего не значит, — отмахнулся Мудрый. — Возможно, это инстинктивная реакция, действие на раздражитель. В любом случае решение принято, и альтернатив ему я не вижу. Опасность запуска автоматических зондов ты представляешь не хуже моего — это будет просто подарком Фатуму.

— Да, — кивнул Вернер. — В кулуарах я пообщался с мужиками. Они настоятельно рекомендуют обратить внимание на пифагорейцев как на возможный момент его зарождения.

— Это же до нашей эры, — уточнил Мудрый. — Четвёртый век? Ты хочешь сказать, что он контролирует гораздо больше столетий?

— Даже скорее шестой. Так что да, и нет никакой гарантии, что это предел.

— Плохие новости, — вздохнул Глава.

— Но могут быть и хуже, — сухо заметил Вернер.

— Могут, — согласился Мудрый. — Впрочем, Жора, проблеме надо решать всё равно. Что ещё мужики говорят?

— Особое внимание к тем, кому везёт, — сказал Вернер, переходя на деловой тон. — Удачливость, скорее всего, одно из проявлений действий Фатума. Именно через таких людей идёт корректировка потока времени и истории.

— Ну, это и до этого секретом не было, — усмехнулся Глава. — Наши аналитики то же самое говорят.

— А ещё — обратить внимание на тех, кому фатально не везёт, по той же самой причине, — добавил Вернер.

— Это уже интереснее, — оживился Мудрый.

— Причём не просто на раздолбаев и тупиц, а на людей выдающихся, — уточнил Георгий.

— То есть фокусировку на идов (исторических деятелей) сохраняем? — переспросил директор.

— Да, но теперь расширяем перечень лиц и за счёт неудачников, — подтвердил Вернер. — И вот ещё что: я бы отнёс Ковальчика к везунчикам.

Мудрый, как раз решивший промочить горло, аж поперхнулся и закашлялся. Справившись с дыханием, он очень эмоционально спросил:

— Вернер, ты хочешь сказать, что Фатум уже здесь?!

— Нет, — спокойно ответил подчинённый. — Но не исключаю. Как только я получил первичную информацию, сразу заблокировал перемещения Ковальчика и группы захвата выше 1865 года по шкале времени. На данный момент с ними общался только я. Себя поставил под наблюдение и постоянно проверяю по шкале везения, — Георгий продемонстрировал две игральные кости. — Пока всё в норме, но не исключаю какой-то латентный период.

— Срань господня, — выдохнул Мудрый. — Ты намекаешь...?

— Настоятельно рекомендую, — твёрдо сказал Вернер, — всем членам «Хронополиции» и лицам, контактировавшим с ними за последний год, пройти тест, а также вспомнить о любых примечательных случаях удачи или неудачи.

— Принято, — кивнул Глава. — Отдам приказ немедленно. Теперь по разведгруппам. Слушай вводную и изучи документы — они уже у тебя на почте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.